

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. КОММУНИКАЦИЯ

Семенова Т.И.

МОДУС КАЖИМОСТИ:
МЕЖДУ ИСТИНОЙ И ЛОЖЬЮ 6

Аматов А.М., Аматова О.А.

ПОВЕРХНОСТНЫЕ СТРУКТУРЫ-АТТРАКТОРЫ
В СИСТЕМЕ ГРАММАТИКИ ЯЗЫКА 13

Андросова С.В.

СЛОГ: ЕДИНИЦА ЯЗЫКА ИЛИ РЕЧИ? 18

Булгакова И.Ю.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ
АНГЛИЙСКОГО ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ 32

Дальхеева А.М.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЗАИМСТВОВАНИЕ
КАК ВИД ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА 41

Казанцева Т.Ю.

КОНСОНАНТНЫЕ СКЛОНЕНИЯ
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ
ЯЗЫКАХ 46

Мендыгалиева А.А.

ДОПОЛНЕНИЕ В КЛАССИФИКАЦИЮ
ИЛЛОКУТИВНЫХ АКТОВ: ПАССИВНЫЕ
ДЕКЛАРАТИВЫ 55

Морженкова Н.В.

ФОРМООБРАЗУЮЩИЙ ДИАЛОГ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЖИВОПИСИ: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ ПИКАССО
ГЕРТРУДЫ СТАЙН 60

Попова И.С.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ И ЦИТИРОВАНИЕ КАК СПОСОБЫ
ПЕРЕДАЧИ ЧУЖОГО СЛОВА
В УСТНОПОРОЖДАЕМОЙ РЕЧИ 65

Рябинина С.В.

ПЕРЕДАЧА КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА
РЕКЛАМЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ 70

Рябова С.Г.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И.А.БУНИНА 75

Учредитель и издатель

Иркутский государственный
лингвистический университет

Главный редактор

Александр Михайлович Каплуненко,
доктор филологических наук, профессор

Зам. главного редактора

Светлана Алексеевна Хахалова,
доктор филологических наук, профессор
(отв. за раздел «Языковая реальность познания»)

Редакционная коллегия

Григорий Дмитриевич Воскобойник,
доктор филологических наук, профессор

Виктор Алексеевич Виноградов,
доктор филологических наук, профессор,
член-корр. РАН

Светлана Николаевна Плотнокова,
доктор филологических наук, профессор
(отв. за раздел «Лингвистика дискурса»)

Евгения Федоровна Серебренникова,
доктор филологических наук, профессор
(отв. за раздел «Язык. Культура. Коммуникация»)

Николай Петрович Антипов,
доктор филологических наук, профессор

Олег Маркович Готлиб,
кандидат филологических наук, доцент

Валерий Петрович Даниленко,
доктор филологических наук, профессор

Владимир Ильич Карасик,
доктор филологических наук, профессор

Лия Матвеевна Ковалева,
доктор филологических наук, профессор

Галина Максимовна Костюшкина,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Алексеевич Ладыгин,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Марцельевич Малинович,
доктор филологических наук, профессор

Вера Брониславовна Меркурьева,
доктор филологических наук, доцент

Зав. РИО

Светлана Григорьевна Тарасова

Технический редактор

Елена Васильевна Орлова

Адрес редакции

664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 522
e-mail: rio@islu.irk.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Казыдуб Н.Н.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ	82
---	----

Сулейманова О.А., Беклемешева Н.Н.

ОСНОВЫ ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ МИРА: ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ПРИЧИННОСТЬ И ПРИНЦИП НЕСЛУЧАЙНОЙ СВЯЗИ	87
--	----

Габдракипова Р.З.

ПРОИЗВОДНОЕ СЛОВО КАК КОМПОНЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ТАКСИСА	93
---	----

Герасимова Д.А.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВАХ ГЛАЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОММУНИКАЦИИ	99
--	----

Ивкина Е.Н.

ТАКСИС КАК ВРЕМЕННАЯ АНАФОРА	104
------------------------------------	-----

Лушникова Г.И.

СПЕЦИФИКА АЛЛЮЗИЙ И ЦИТАТ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ПАРОДИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПАРОДИЙ)	110
--	-----

Малинович М.В., Янькова Н.А.

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: СОКРОВЕННОЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ	116
--	-----

Несветайлова И.В.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТОВ «ЗАВИСТЬ» И «РЕВНОСТЬ» В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	123
--	-----

Осыка М.В.

СПОСОБЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)	129
---	-----

Степанова Н.П.

МОДЕЛИ ВРЕМЕНИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ	135
---	-----

ЛИНГВИСТИКА ДИСКУРСА

Бейлинсон Л.С.

ФУНКЦИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА	142
---	-----

Гусева С.И., Пирогова М.А., Шуйская Т.В.

МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ И РЕМАТИЧЕСКИХ УЧАСТКОВ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ	148
--	-----

Калинина В.В.

КОНЦЕПТ <i>SHAME</i> КАК ЦЕННОСТНЫЙ СМЫСЛ	153
---	-----

Кожетева А.С.

НОРМА КАК ПРИЗНАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ)	158
--	-----

Малахова С.А.

ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА «ГОРДОСТЬ»/«PRIDE» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	163
---	-----

Пекарская Е.А.

РЕЧЕВАЯ И ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ АГРЕССИЯ КАК ПРИЧИНА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ	170
---	-----

Сальникова Ю.А.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ОСНОВАНИЯ ОЦЕНКИ В АМЕРИКАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	175
---	-----

Смирнова А.А.

ТЕМАТИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ НАУЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ	181
---	-----

Сулова А.Ю.

ЭВОЛЮЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «ДЕМОКРАТИЯ» В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ АМЕРИКАНСКОЙ НАЦИИ	188
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	194
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	196
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	198

CONTENTS

LANGUAGE. CULTURE. COMMUNICATION

Semenova T.I.

MODUS VIDĒRI: BETWEEN TRUTH AND LIE	6
---	---

Amatov A.M., Amatova O.A.

ATTRACTOR SURFACE STRUCTURES IN THE GRAMMAR OF A LANGUAGE	13
---	----

Androsova S.V.

THE SYLLABLE: UNIT OF LANGUAGE OR SPEECH?	18
---	----

Bulgakova I.

SOME ASPECTS OF THE STRUCTURAL PECULARITIES OF THE ENGLISH OFFICE WORK TERMINOLOGY .	32
--	----

Dalkheeva A.

CONCEPTUAL BORROWING AS A KIND OF LANGUAGE CONTACT	41
--	----

Kazantseva T.Yu.

CONSONANTAL DECLENSIONS OF NOUNS IN OLD GERMANIC LANGUAGES	46
--	----

Mendygaliyeva A.A.

AN ADDITION TO THE CLASSIFICATION OF ILLOCUTIONARY ACTS: PASSIVE DECLARATIONS	55
---	----

Morzhenkova N.V.

STRUCTURAL RELATIONS BETWEEN GERTRUDE STEIN'S LITERARY PORTRAITURE AND PABLO PICASSO'S VISUAL POETICS	60
--	----

Popova I.

DIRECT SPEECH AND CITATION AS WAYS OF RENDERING FOREIGN SPEECH IN ORAL COMMUNICATION	65
---	----

Ryabinina S.

CULTURAL COMPONENT TRANSFER IN ADVERTISEMENT TRANSLATION	70
--	----

Ryabova S.G.

ARCHETYPIC STRUCTURES IN THE ARTISTIC WORLD OF IVAN BUNIN	75
---	----

VERBAL ONTOLOGY OF COGNITION

Kazydub N.N.

GENERAL PRINCIPLES OF THE LINGUISTIC DESCRIPTION OF VALUE SYSTEMS	82
---	----

Suleimanova O., Beklemesheva N.

THE RATIONALE OF THE WORLD'S CATEGORIZATION IN THE LANGUAGE: SPACE, TIME, REASON AND THE PRINCIPLE OF NONRANDOM LINKS	87
--	----

Gabdrakipova R.Z.

THE DERIVATIVE WORD AS A COMPONENT OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF TAXIS	93
--	----

Gerasimova D.A.

ON LANGUAGE MEANS OF EYE CONTACT IN COMMUNICATION	99
---	----

Ivkina E.N.

TAXIS AS A TEMPORAL ANAPHORA	104
------------------------------------	-----

Lushnikova G.

ALLUSIONS AND CITATIONS IN A LITERARY PARODY (MODERN ENGLISH AND AMERICAN PARODIES)	110
--	-----

Malinovich M.V., Yankova N.A.

HUMAN INNER WORLD: INNERMOST IN LINGUISTIC THINKING	116
---	-----

Nesvetailova I.V.

PRESENTATION OF CONCEPTS «ENVY» AND «JEALOUSY» IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS	123
---	-----

Osyka M.

WAYS OF VERBALIZATION OF CONCEPT «SPACE» IN RUSSIAN AND FRENCH PHRASEOLOGY	129
---	-----

Stepanova N.P.

MODELS OF TIME: ETHNO-CULTURAL ASPECT	135
---	-----

LANGUAGE & DISCOURSE

Beilison L.S.

INSTITUTIONAL DISCOURSE FUNCTIONS	142
---	-----

Guseva S., Pirogova M., Shuiskaya T.

A STUDY OF THEME AND RHEME STRETCHES IN SPONTANEOUS SPEECH	148
--	-----

Kalinina V.V.

THE CONCEPT SHAME AS A CULTURAL VALUE	153
---	-----

Kozheteva A.

NORM AS AN INDICATION OF INSTITUTIONALITY OF DIPLOMATIC DISCOURSE (AN ANALYSIS OF DIPLOMATIC CORRESPONDENCE IN FRENCH)	158
---	-----

Malakhova S.A.

THE METAPHORICAL COMPONENT OF THE CONCEPT «PRIDE» IN RUSSIAN AND ENGLISH POETIC DISCOURSE	163
--	-----

Pekarskaya E.A.

SPEECH AND BEHAVIORAL AGGRESSION AS THE CAUSE OF COMMUNICATIVE FAILURES	170
---	-----

Salnikova Y.A.

THE BASE OF EVALUATION IN AMERICAN MEDIA DISCOURSE	175
--	-----

Smirnova A.A.

THEMES OF SCIENTIFIC DISCOURSE AND THEIR ROLE IN THE ACTUALIZATION OF THE COGNITIVE MODEL OF SCIENTIFIC TERMINOLOGY	181
--	-----

Suslova A.Y.

EVOLUTION OF THE LINGUOCULTURAL CONCEPT «DEMOCRACY» IN THE AMERICAN NATION DISCOURSE SPACE	188
---	-----

THE RESEARCH DEPARTMENT INFORMS	194
---------------------------------------	-----

AUTHORS	197
---------------	-----

INFORMATION FOR APPLICANTS	198
----------------------------------	-----

ЯЗЫК КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИЯ

ББК 81.00
УДК 81.373

Т.И. Семенова

МОДУС КАЖИМОСТИ: МЕЖДУ ИСТИНОЙ И ЛОЖЬЮ

В статье речь идет о категоризации ситуаций кажимости. Особое внимание уделяется языковой концептуализации ошибочных когний – неуверенного восприятия, воображаемого, иллюзорного восприятия. Модус кажимости рассматривается как одно из языковых средств уклонения от истины, создания мнимого, воображаемого мира.

Ключевые слова: категоризация; восприятие; иллюзии восприятия; воображаемое восприятие; неуверенное восприятие.

T.I. Semenova

MODUS VIDĒRI: BETWEEN TRUTH AND LIE

The paper focuses on conceptual structures of human consciousness and their language manifestations. The goal of the paper is to show that the concept of seeming has to do with the interaction between the perceiver and the world external to him. How something is perceived depends on how the external world is represented by the perceiver. The article considers language conceptualization of delusive appearances, visual appearances, illusions, mental images.

Key words: categorization; perception; visual appearances; illusions; mental reality; ontological reality.

Язык как способ закрепления отражательной деятельности сознания, выражает в своей системе сложный опыт познания человеком реальности. Отражаемая в языке реальность сложна и многогранна, она постоянно меняется во времени, но познающий субъект «не всеведущ», он не всегда может делать истинные утверждения, поскольку его знания о действительности неполны. Как образно замечает Н. Д. Арутюнова, «восприятие меняющегося мира обращает его в кажимость» [Арутюнова, 1996 : 73]. В целом информационный запас человека отражает не только «истинное знание», но и заблуждения, и ошибочные когнии, ошибочное мнение относительно некоторого положения дел. Такие «дисфункциональные когнии» являются результатом своеобразного (свойственного именно данной личности) ошибочного способа переработки информации [Демьянков, 1994]. Несовершенство познания мира человеком и субъективные свойства его восприятия приводят к тому, что в естественном языке «категория истинности – ложности рассматривается не как бинарная оппозиция (дизъюнкция), а как шкала вероятностных оценок» [Арутюнова, 1999 : 430]. С точки зрения прагматики Истина и Ложь являются далеко не единственными когнитивными состояниями, поскольку в человеческой системе знаний всегда существуют высказывания, о которых неизвестно, истинны они или ложны.

Естественный язык, как подчеркивает Н.Д. Арутюнова, живет в борьбе с двузначной логикой, расшатывает ее законы, скрывает ясные смыслы, в

связи с чем язык развивается одновременно в двух противоположных направлениях: одно из них определено стремлением к максимально полному и точному выражению истины, другое – желанием ее утаить, отстранить от себя или прикрыть ее лицо маской правдоподобия [Арутюнова, 1999 : 546]. Идея дуалистичности миропонимания укоренена в человеческом сознании. Э. Кассирер подчеркивает, что теоретическое построение картины мира начинается с того момента, как сознание впервые проводит ясную границу между «видимостью» и «истиной», между просто «воспринимаемым» или «представляемым» и «истинно сущим», между «субъективным» и «объективным» [Кассирер, 2002 : 89]. В любом образе мира противопоставляются: явление и сущность, наблюдаемое и ненаблюдаемое, зримое и умозрительное (умопостигаемое), ненастоящее и настоящее: призрачное (*мнимое, иллюзорное, кажущееся, мираж, фикция, видимость, псевдо*) и подлинное (истинное) [Арутюнова, 1999 : 547; курсив наш – Т.С.]. В пространстве языка выделяются категории с различной степенью отклонения от истины: воображение, мечта, фантазия, притворство, ложь, неискренность. Среди многообразия форм осмысливаемого небытия выделяются такие явления, как сновидение, бред, миф, архетип, искусство [Каган, 1999]. К языковым средствам уклонения от истины, создания мнимого, воображаемого мира относятся многочисленные знаки приблизительности, неопределенности, предикаты «обманных» действий, состояний и свойств, синтаксические кон-

струкции, деривационные элементы (*псевдо-, квази-, лже-*), просодические средства [Арутюнова, 1999, 2008; Апресян, 2008]. К целям общения в постоянно меняющемся мире «приспособлены» и языковые знаки кажимости [Семенова, 2007].

Основной онтологической характеристикой лингвистического феномена кажимости является ее двойная денотативная соотнесенность, отражающая две денотативные ситуации – реальную и кажущуюся. Модус кажимости позволяет моделировать мир не таким, «каким он есть», а таким, каким он «есть» для конкретного субъекта в определенный момент восприятия, то есть *каким он кажется*. Соположение кажущегося и действительного объясняется тем, что внешнее может находиться в разных семантических соотношениях с внутренним: внешние признаки могут функционировать для установления ненаблюдаемой истины и для выражения «видимости», несоответствия наблюдаемых признаков настоящим свойствам объекта [Кустова, 2004].

Модусные предикаты кажимости входят в группу нефективных [Kiparsky, 1973], неимплицативных [Karttunen, 1971], вследствие чего они концептуализируют разные степени ощущения истинности мысли – от относительной уверенности субъекта (или говорящего) в ее достоверности и до полной уверенности в ее ложности. Это значит, что отношения между мысленным фрагментом, который субъект имеет в уме, и действительным положением дел могут быть различными: они могут доходить до полного противопоставления, носить характер дизъюнкции или могут соответствовать реальному положению дел:

John seems angry, *but he isn't really angry*;

John seems angry but I *don't know whether he is angry or not*;

John seems angry *and so he is*.

Суждения, вводимые модусом кажимости, представляют континуум между истиной и ложью, в котором категоризованы впечатления от реального мира, в том числе и ложные, иллюзии, работа воображения, неуверенное мнение, оценочное мнение, что подтверждает подвижность границ между реальностью и воображаемым, мнимым миром. Ниже мы подробнее остановимся на языковой актуализации степени достоверности/недостоверности, ложности/истинности той информации, которую поставляют нам органы восприятия.

Предполагается, что в целом восприятие не обманывает нас – то, что мы видим, слышим, чего мы касаемся, дает в представлении человека адекватную картину мира. Восприятие рассматривается как то, «посредством чего мы устанавливаем правильное соответствие между внешней реально-

стью и символической системой, с помощью которой мы мыслим» [Lakoff, 1987 : 174]. В типичном случае «видение как» включено в зрительное восприятие в форме визуальной категоризации [Ibid. : 120–126]. Развивая эту мысль, Дж. Лакофф рассуждает о том, что категоризация в видимой области в общем случае зависит от конвенциональных ментальных образов. Например, человек категоризирует некоторый аспект видимого поля как *дерево*, потому что знает, как выглядит дерево. В тех случаях, когда такая категоризация *не является проблематичной*, человек говорит, что действительно видит дерево (курсив наш – Т.С.). Однако возможные помехи и разного рода «сбои в восприятии» обуславливают ограниченность поступления информации извне, вследствие чего категоризация воспринимаемого становится проблематичной. При затрудненных условиях восприятия фазы опознания объекта, выделенные Дж. Брунером, определяются как выдвижение и проверка гипотез о принадлежности предъявляемого объекта к той или иной категории. Так, на первом этапе восприятия объект категоризируется просто как «предмет», «звук» или «движение». На втором этапе он воспринимается как принадлежащий какой-то предметной категории, но у наблюдателя еще нет уверенности в том, что это именно данный предмет, а не другой. Поэтому на следующем этапе ведутся поиски дополнительных признаков, с помощью которых можно было бы подтвердить в предположительном плане идентификацию. В итоге принимается решение о категориальной принадлежности воспринимаемого объекта. Результаты такой категоризации репрезентативны – они, как отмечает Дж. Брунер, «предсказывают с разной степенью «истинности» события физического мира, в котором действует организм» [Брунер, 1975 : 136]. Когнитивные операции по опознаванию предмета в затрудненных условиях восприятия находят отражение в языковых структурах с модусом кажимости, ср.: *She listened intensely. Then she heard a small noise in the distance – far away, it seemed – the chink of a pan, and a man's voice speaking a brief word. If would be Maurice, in the other part of the stable... – «Maurice! Maurice», – «Yes», – he answered (WS, 106)*. Из приведенного примера очевидно, что в условиях отдаленности источника звука наблюдатель воспринимает прежде всего шум, затем в нем по определенным признакам опознаются и идентифицируются отдельные элементы. Отдаленность источника звука концептуализируется как препятствие, и, чтобы уменьшить его воздействие, субъект напрягает слух, на языковом уровне это отражается в употреблении наречия *intensely*. Ограничение видимости, слышимости, излишек ненужного – шум, грохот, потемки, сумерки, отда-

ленность воспринимаемых объектов, то есть всякого рода помехи, концептуализируются как дополнительные факторы, усложняющие ситуацию восприятия, каузирующие неадекватность восприятия. Данные условия – внеязыковые, логического плана, но они представляют собой не что иное, как знание о принципах восприятия мира человеком. Эти условия являются когнитивно значимыми в ситуации кажимости, так как с их помощью в языковой форме фиксируется влияние тех или иных условий на тот или иной «вид», образ вещи. Неблагоприятные условия восприятия обуславливают изменение эпистемического состояния субъекта, которое можно квалифицировать как «неуверенность в достоверности воспринятого». Речь в данном случае идет не об истинности или ложности как соответствии или несоответствии объективному положению дел, а о субъективном отношении говорящего к этому свойству информации – его уверенности или неуверенности в достоверности впечатления.

Прагматика речевого общения не требует с необходимостью подтверждения истинности полученной информации. Это объясняется тем, что достоверность сообщения «принимается за идеальную норму коммуникации, а норма располагает обычно скудным инвентарем для своего выражения» [Арутюнова, 1999 : 663]. Однако неполнота информации для точного описания ситуации, «ограниченное знание» [Lyons, 1977 : 809] предопределяют необходимость со стороны говорящего сообщить о своей неуверенности, поскольку «ненадежность передаваемого сообщения непременно должна оговариваться» [Арутюнова, 1999 : 587]. Апелляция к модусу кажимости вызвана коммуникативным стремлением говорящего эксплицировать соответствующую модель восприятия, – то, что ментальная операция идентификации воспринимаемого предмета/явления осложняется неполнотой восприятия, помехами в восприятии, – и, тем самым, снизить истинностную оценку, выраженную в суждении, и осведомить слушателей о своей неуверенности.

Условия возникновения ситуации кажимости онтологичны: она возникает в условиях неполноты восприятия мира человеком, разного рода «сбоев в восприятии». Модальность кажимости, как отмечает Н. Д. Арутюнова, «маркирует то, что не видно, а привиделось, не слышно, а послышалось. Для нее характерен ситуативный антураж сумерек и тумана, снов и сновидений» [Арутюнова, 1999 : 834]. Помехи в восприятии часто эксплицируются. Так, например, в следующих предложениях есть указание на неблагоприятные условия восприятия: без очков плохо видно, в шуме плохо слышно, из-за кустов трудно разглядеть происхо-

дящее, ср.: *Nothing could be plainly heard in the din and now, for Mr. Smith robbed of his glasses, nothing could be plainly seen. His wife seemed to be shaking his arm and shrieking at him* (Priestley, 421); *The bushes screened them. They turned to each other and seemed to be talking* (Murdoch, 78). Помехи в восприятии усложняют процесс категоризации перцептивного объекта и как следствие, «визуальная истина легко оборачивается кажимостью» [Арутюнова, 2008 : 95].

В сообщениях о знакомом и обжитом мире выбирается таксономическое обозначение объекта, но в условиях «лимита» восприятия трудно однозначно распознать референт, поэтому дескриптивное обозначение положения дел заменяет таксономическое, ср.: *The lawn looked neat, with the shadowed silhouette of a stone barbecue grill. Someone had piled broken tree limbs carefully against what appeared to be a garage* (Brown, 35). Героиня, оказавшись в незнакомом месте, не может знать наверняка, где находится гараж, отсутствие знаний о действительности «компенсируется» категоризацией воспринимаемого объекта фразовой номинацией **what appeared to be a garage**, посредством которой вводится предмет, воспринимаемый как нечто, что по внешним признакам могло бы быть гаражом. В условиях отдаленности объекта восприятия нечеткость наблюдаемых признаков не позволяет произвести однозначную идентификацию воспринятого, следствием чего является выбор модусной пропозиции, не претендующей на истинность, поскольку ее содержанием является впечатление, субъективный образ, ср.: *His face was of a monstrous and unnatural pink, vivid, yet dead, and over his mouth was fastened what appeared to be a gag. In the course of her story she realized that the gag was in reality a moustache bandage and that the man's face was covered with pink cold cream* (Fitzgerald, 290). Предмет речи *gag* представлен дважды – с неопределенным артиклем и с определенным, что обусловлено разными когнитивными операциями, производимыми воспринимающим субъектом над этим предметом. Номинация **the gag в подчиненной предикации имеет определенную референцию и ретроспективно восходит к перцептивному образу, возникшему у субъекта восприятия при непосредственном восприятии.** Ввод модусной интерпретирующей рамки сигнализирует переключение в субъектную сферу персонажа, повествование в таком случае ограничивается полем зрения героя, возможностями его восприятия. Модусная пропозиция вводит «другого», того, кто воспринимал и квалифицировал ситуацию со своей точки зрения. Используя такую конструкцию, говорящий указывает на то, что данная предикация принадлежит не ему, а субъекту

установки, именно последний «несет ответственность» за неадекватность отражения. Элиминация модусной пропозиции отражается на истинностном значении высказывания. Без модусной части высказывание представляет точную номинацию, объективированное повествование, констатирующее точку зрения повествователя, представленную как истинную в его микромире.

Зрение поставяет самые надежные сведения о реальности сущего и происходящего. Вместе с тем именно оно, «постоянно взаимодействуя со снами и воображением, склонно поставяет ненадежную информацию и фантастические образы» [Арутюнова, 2008 : 101]. Неадекватное восприятие перцептируемого объекта в психологии определяют как «иллюзии восприятия» (БТПС). Иллюзии являются нормальными, относительно устойчивыми явлениями, встречающиеся у разных наблюдателей и подчиняющиеся постоянным правилам [Deregowski, 1980]. Так как природа иллюзий связана не с оптическими явлениями, а с тем, как работает перцептуальная инференция (*perceptual inference*), более адекватным считается термин *перцептивные иллюзии* (*perceptual illusions*) [Feldman, 1999 : 200]. Как же в языке отражаются специфические особенности и когнитивные механизмы, связанные с возникновением в сознании образов, которые воспринимаются «объективно» со всеми непреодолимыми субъективными свойствами реального сенсорного впечатления, но без нормального физического стимула?

Человек знает о возможности искаженного восприятия и допускает, что чувства могут его обманывать. Утверждение достоверности чувственных впечатлений и ложности выводимых из них умозаключений восходит к разграничению «свойств души» и «свойств внешнего мира» [Лосский, 1991]. Б. Рассел, акцентируя познавательную природу восприятия, неоднократно обращал внимание на ошибочность допущения иллюзорности чувств: «не бывает иллюзий чувств, бывают только ошибки в истолковании чувственных данных как знаков вещей, иных, чем они сами» [Рассел, 1997 : 181]. В языке, как пишет Х.-Г. Гадамер, вполне возможна ситуация, когда сохраняется видимость и вместе с тем осознается ее ложность с точки зрения разума. Одно не исключает другого. Так, солнце для нас по-прежнему «встает» и «садится», хотя мы и знакомы с коперниканской картиной мира. И этим многослойным отношением к миру мы обязаны организующей и примиряющей деятельности языка. Наш речевой оборот «заход солнца» не произволен, но выражает некую действительную видимость (Schein). Он действителен для нашего видения, соотнесен с человеческим бытием [Гадамер, 1988 : 519], с «естественным опытом ми-

ра, насквозь пронизанным языком» [Там же : 524]. Факт наличия ощущения не может быть ложным, можно лишь дать неверное толкование своим собственным интенциональным состояниям. Деление восприятий на реальные и иллюзорные обусловлено не их содержанием, а нашей интерпретацией этих содержаний. Р. Джекендофф вводит категории: «то, что есть в воспринимаемом мире» (*out there in the perceived world*) и «то, что есть в сознании» (*internal*). «Перцептуальный мир», в понимании Р. Джекендоffa, – это реальность, конструируемая перцептуальными системами [Jackendoff, 2002 : 309].

В русской языковой картине мира концептуализация восприятия как «ложного», «иллюзорного» находит языковое воплощение в словах *мерещиться, чудиться, представляться, сниться, привидеться, мниться, грезиться, рисоваться, воображать* [Апресян, 1995]. Глаголы «иллюзорного восприятия» присоединяют главным образом пропозиции, описывающие фрагменты не только перцептуальной, но и умозрительной «картин» мира, они образуют группу, переходную между эпистемическими предикатами и предикатами восприятия [Шатуновский, 1996 : 262]. Презумпцией большинства вышеназванных глаголов является несоответствие перцептивного или ментального образа и действительности. Особо отмечается, что *чудиться* допускает реальное существование объекта, а *мерещиться* предполагает, что отсутствует фрагмент действительности, реально воздействующий на органы чувств [Апресян, 1995 : 381].

Семантическое толкование «ложного», «иллюзорного восприятия» может быть представлено следующим образом: в сознании человека есть образ объекта или ситуации, который как бы воспринимается органами чувств, хотя на самом деле отсутствует объект действительности, воздействующий на органы чувств, или субъект не уверен, что он его воспринимает. Тот, кто испытывает иллюзию, обычно не осознает этого. Потому она и иллюзия, что нереальное кажется реальным, достоверным.

Когнитивные операции, связанные с созданием ментальных образов не существующих в реальности объектов и ситуаций, порождением представлений, призрачных видений, обманчивостью перцептивных образов, концептуализируются и через модус кажимости. Глаголы *seem, appear, sound, look* категоризуют так называемое «ложное восприятие». Словарные дефиниции этого значения – ‘to imagine oneself or think one perceives oneself / to do something’ (OED). Особенностью высказываний с модусом кажимости, номинирующих «ложное», «иллюзорное восприятие», является то, что в ассертивной части их семантической структу-

ры одновременно содержится утверждение о восприятии субъектом некоторой ситуации и отрицание говорящим реальности этой денотативной ситуации. Расхождение в оценке реальности/ ирреальности связано с одновременной соотнесенностью с разными точками отсчета: одна коррелирует с микромиром субъекта модуса кажимости, а другая – с микромиром говорящего. В таких случаях, по замечанию И. Б. Шатуновского, пропозиция, которую имеет в уме индивид, «поразному оценивается чувствами и разумом: чувства говорят, что Р есть, а разум – что Р нет. При этом роль “верховного” судьи выполняет, разумеется, разум» [Шатуновский, 1996 : 270]. Примеры ниже эксплицируют рассогласование внутренних «голосов» чувства и разума, человек находится как бы сразу в двух мирах – реальном и кажущемся. Человек понимает, что слуховые, зрительные образы возникают вне реального стимула. Несоответствие предидируемого признака реальному миру эксплицируется языковыми единицами с отрицательным истинностным значением – *illusion*, *imagination*, *vision*. Названные языковые единицы вербализуют результат ментальной деятельности и одновременно сообщают об отношении к действительности «мысли» в широком смысле, то есть квалифицируют содержание пропозиции, вводимой модусом кажимости, как не соответствующее действительности, ср.: *Once I looked out and thought I saw Philipot beckoning to me through the glass. It was an illusion* (Chase, 208); *I thought I heard something. Imagination. The nights make me all nervy* (Greene, 266). Денотативная ситуация в мире «как он есть» сопоставляется с воображаемой ситуаций, имеющей место в концептуальном мире субъекта, указывая на то, что образ, возникший в сознании, мнимый, что это лишь игра воображения. Причины возникновения мнимого образа могут быть различными: неточность показаний органов чувств вследствие объективно неблагоприятных условий восприятия (темнота, туман, отдаленность источника образа), неясность самих впечатлений. Ментальный образ может быть результатом больного или богатого воображения, символической интерпретации воспринимаемого объекта. Физическое и эмоциональное состояние самого субъекта (дремота, опьянение, физический недуг, усталость, эмоции типа страха) также каузуют ментальные образы, не имеющие реального стимула, ср.: *His shoulder was extremely sore from the impact and one leg seemed to be absent. He rubbed his limbs and gradually reassembled his body round about him* (Murdoch, 72). От боли человеку кажется, что у него нет ноги, хотя последующий контекст опровергает иллюзорность кинестетических ощущений. То есть речь идет о мнимом об-

разе, заведомо несоответствующем действительности.

Под категорию «кажущегося, воображаемого восприятия» подводятся ситуации, в которых чувственные образы отражают движение онтологически неподвижных объектов (берег, дома, деревья). Возникает впечатление о движении, хотя воспринимающий субъект знает, что движения этих объектов на самом деле нет. Движущимся воспринимается тот объект, который явно локализуется на некотором другом объекте: движется фигура, а не фон, на котором фигура воспринимается, ср.: *She became aware that she'd ceased moving altogether. The landscape itself seemed to be moving instead* (George, 463); *The piece of timber swung in the current and I held it with one hand. I looked at the bank; it seemed to be going by very fast* (Hemingway, 238). На самом деле зрительный образ связан с перемещением наблюдателя, а не воспринимаемых объектов. Содержание предложений соотносится с точкой зрения наблюдающего персонажа и передает его впечатления. Через кажущееся движение неподвижных объектов передается присутствие наблюдателя, изменение места наблюдателя в пространстве и изменение ракурса видения. Недостоверность впечатления, как и нечеткость, призрачность перцептивного образа, несоответствие образа действительности, объясняются либо состоянием сознания субъекта, либо какими-то объективными условиями восприятия ситуации. Длительная форма инфинитива при актуализации непроизвольного воображения обусловлена онтологической связью воображения и зрения. Из психологии восприятия известно, что в процессе воображения участвуют те же механизмы обработки порождаемой внутри психики информации, что и при восприятии информации извне. В частности, «воображаемая информация представлена и обрабатывается теми же способами, которыми представлена и обрабатывается перцептивная информация» [Андерсон, 2002 : 116]. Воображаемая, субъективная реальность, реальность «умозрения» представляет собой особый внутренний модус человеческого бытия. Это реальность нашего внутреннего мира, которая вербализуется через модус кажимости.

При противопоставлении «видимости» и «подлинной реальности» используются выражения *actually*, *really*, *in fact*, *in truth*, *practically*, эксплицирующие расхождение между мысленным объектом и его коррелятом в реальном мире. Введение языковых единиц с семантикой опровержения создает прагматический контраст между субъективным впечатлением и фактуальной информацией, ср.: *The difference of level was in fact little more than a foot, but it seemed to Marcus like a sudden descent*